

Ульяна Соболева

3
ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ
Паутина

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ульяна Соболева
Черные вороны 3. Паутина
Серия «Черные Вороны», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42540733

SelfPub; 2022

Аннотация

В этой книге всей семье Воронов придется пройти через настоящий ад. Череда подстроенных врагом событий спровоцирует всплеск неконтролируемых эмоций. Что на самом деле значит доверие? Какова на самом деле любовь Максима? Не придется ли Дарине пожалеть, что она так наивно и доверчиво отдала в его руки свое сердце, и не попадет ли Андрей в собственную ловушку из жажды мести? Адаптации и римейк серии "Любовь за гранью". Сюжет повторяется!

В оформлении обложки использована фотография автора Vitalik Radko с сайта Depositphotos.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Дарина	5
Глава 2. Андрей	24
Глава 3. Карина	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ульяна Соболева

Черные вороны 3. Паутина

Из лжи, предательств...
Паутиной...
Сплетая адские узоры.
Из тонких нитей цвета крови.
Без обвинений и мотивов
В огне презрения сгорая...
Я, как молитву, повторяю...
Когда кричать уже нет мочи.
Убийце... Твоё имя... Молча
Я не прошу себе пощады
Минуты счастья сочтены...
Мне ничего уже не надо!
Ведь мой убийца – это ТЫ!

Глава 1. Дарина

Я смотрела, как переливается темно-бордовая жидкость в бокале. Красивый цвет. Насыщенный. Глубокий. Напоминает цвет крови. Покрутила ножку бокала и взгляд скользнул на кольцо. Каждый день я любовалась им, и мне не верилось, что оно действительно существует. Вот это кольцо. На моем пальце. Обручальное. Такое простое, тоненькое. Без единого украшения и камней. Максим хотел, чтобы мы сменили кольца на более яркие, дорогие, когда вернемся домой, но я не захотела.

Я даже ни разу его не сняла. Мне казалось, что ничего красивее и быть не может, чем именно этот символ моей законной принадлежности Максу. Он покупал его не в каком-то дорогом магазине, не выбирал неделями, он купил его лишь потому, что решил – я стану его женой здесь и сейчас. Что может быть дороже этого? Любовь не должна быть обдуманной, выбранной, пафосно-красивой, чтобы окружающие любовались ею – она простая, и этим сложная, она необдуманная и спонтанная, она далеко не всегда красивая, и именно этим она прекрасна. Вот именно такое кольцо и олицетворяло для меня нашу любовь.

Подняла взгляд на небо – солнце садится, и оно теряет насыщенно синий цвет, становится сиреневым. Внутри опять

разливается тоска. Позади меня орет музыка, раздаются голоса гостей. Веселье в самом разгаре, точнее, оно только началось, а я бросаю взгляды на сотовый и... снова верчу в пальцах бокал. Мне не весело, хотя все эти гости собрались здесь ради меня. Мне исполнилось двадцать, и это первый день рождения, который я согласилась отпраздновать с таким размахом. Никогда не любила толпу. Она меня напрягала... особенно после охоты на даче Ахмеда. И сейчас, когда Макса здесь не было, празднование превратилось в пытку. Он уехал три недели назад по делам в Бельгию и, к сожалению, не мог вырваться даже на мой День рождения. Но это и не было столь важно. Я все понимала. Понимала, за кого вышла замуж, понимала, что он не будет рядом со мной каждую секунду. Мне хватало того, что теперь он мой. Что теперь я гордо называюсь его женой. Я о таком даже не мечтала.

Эти несколько месяцев после нашей свадьбы были самыми сумасшедшими в моей жизни. Счастье ослепляло и сводило с ума. Мне казалось, я парю в невесомости. Я никогда не знала Макса таким, каким он был для меня все это время. Он создавал для меня иллюзию, что рядом с ним я могу получить буквально все. Не было ничего, что он считал бы невозможным. Я заикнулась о том, что никогда не ездила на море, и мы в ту же минуту уже мчали в аэропорт, а потом провели два сумасшедших дня на Санторини. Я рассказала, что в детстве мечтала научиться ездить верхом – и мне подарили моего собственного жеребца. Каждая прихоть, намек,

желание. Щелчок – и у меня это есть... но самое ценное, что у меня было – это его любовь. Я ее чувствовала кожей, видела в его глазах, в каждом прикосновении и тембре голоса. Он умел дать мне ее почувствовать так, чтобы у меня мурашки шли по телу, а от восторга дух захватывало. И при этом он ни разу не сказал мне, что любит. Да и зачем? Слова так бессмысленны и пусты, особенно если зимой тебе звонят и напоминают, чтобы оделась потеплее, если пойду на улицу, что приедут и проверят, или вдруг звонил, спрашивал, где я, и уже через какое-то время он там. Просто потому что соскучился или хочет меня... притом не важно, где я могла в этот момент находиться. Он возьмет без ожидания. В туалете кафе, на лестнице офиса, в машине, отвезет в отель. И это сводило с ума больше всего. Знать, что настолько ему необходима. Вот этому зверю. Такому безумно красивому, жестокому, циничному, который мог шептать мне на ухо грязные пошлости и тут же нежности. Контраст на контрасте. И я понимала, что моя одержимость им выходит на иной уровень, и что теперь я действительно не смогу прожить без него ни дня.

Я могла наблюдать за ним часами, любоваться, затаив дыхание, как он спит, как быстро ест по утрам, собираясь уехать из дома, как говорит по телефону или ведет машину, как стреляет в тире, а потом учит стрелять меня и шепчет на ухо, что это другой ствол и держать его надо иначе... тот ствол я подержу чуть позже и не в руках. Я краснею...

не попадаю в цель, а он смеется, и у него глаза такие светлые... Вот как это небо. Мой муж. Мой мужчина. Мой. Мой. Мой. Это можно повторять про себя бесконечно, захлебываясь восторгом.

Мой мир изменился до неузнаваемости. Макс вознес меня в то самое небо. Свое небо. Очень высоко. Пронзительно высоко. Где я ни о чем не думала. Рядом с ним думать вообще невозможно. Он заполнил собой всю ту пустоту, которая звенела во мне до встречи с ним. Заполнил мои сны, мои пробуждения, мое дыхание и мысли. Я погружалась в него, растворялась в нем, впадая в еще большую зависимость от его взглядов, голоса, запаха, прикосновений. И я понимала, что это не та любовь, о которой знала из книг или фильмов. Это ураган и стихийное бедствие. Мои чувства к нему невыносимо острые, сумасшедшие. Любви слишком мало. Всего, что можно озвучить, невероятно мало. Я понимала, что во мне почти не остается места для моего собственного «я». Потому что меня без него и не существовало раньше. Я и есть он. Продолжение, частичка, да что угодно. Я просто ЕГО. Настолько, что меня здесь почти не осталось. И это самое прекрасное, что может случиться с женщиной – принадлежать целиком и полностью своему мужчине, сходя с ума от восторга.

Макс поработал своей властью и харизмой, стирал между нами все границы дозволенного, приемлемого, мыслимого. Он давал мне так много... но и брал взамен все, что

я могла предложить. Отбирал, отрывал с мясом. И у меня кружилась голова только от мыслей о нем. Разве так бывает? Разве мужчина умеет давать женщине настолько много? Да! Мой мужчина может. Мне казалось – он может всё. Если захочет. И самое дикое, ненормальное, безумное – он хотел. Меня. Для меня. Со мной. С ним рядом я превращалась в женщину. Женщину во всех пониманиях этого слова. Для него. Он выдернул наружу каждый из пороков и превратил их в мое собственное оружие против него. Он показал, какой я могу быть с ним – распутной, пошлой, его самой грязной шлюхой, и в тот же момент мог относиться ко мне, как к богине. И я использовала всё, чему он меня учил, я отрабатывала на нем каждую грань соблазна, чтобы видеть, как он сжимает челюсти и обещает мне взглядом адские пытки за провокацию. Секрет красоты прячется в мужском вожделении. Если женщина желанна, она всегда красива. И ее красота должна отражаться в горящем мужском взгляде, а не в зеркале. Зеркало может лгать, а мужской голод – никогда.

А еще он давал мне то, на что, казалось бы, не способен – нежность. Все оттенки нежности, какие только можно себе представить – от невесомой до грубой и изощренной, сладкой и до дикости развратной. От пыток до поклонения. И, да, он умел быть очень нежным... настолько, что у меня выступили слезы на глазах... Ведь так произнести «малыш» мог только он... Мой Зверь.

И сейчас, без него, мне казалось, что все дни преврати-

лись в одну серую сплошную массу. В череду бессмысленности. Я скучала. Я тосковала так сильно, что первые дни не могла уснуть в нашей постели. Меня шатало от усталости, и даже аппетит пропал, а сна нет. Макс узнал об этом, и звонил мне каждую ночь... вот так просто, говорил что-то, рассказывал, а я клала сотовый на подушку и засыпала под звук его голоса.

– Даш, ты чего тут стоишь? Тебя гости ждут. Еще и раздетая почти. Холодно же!

Обернулась к Фаине и улыбнулась.

– Не люблю толпу. Захотелось на воздух.

– Это первый праздник в твоём доме. В вашем с Максимом. Часть твоей семейной жизни, часть той жизни, которая должна быть такой, как положено по статусу его жены.

– Да, я понимаю. Скоро вернусь. Вот солнце сядет и вернусь. Я так устала от шума.

– Скучаешь по нему, да?

– Очень.

– Не скучай. Идем. Он скоро приедет. Я точно знаю, – она подмигнула мне и ушла обратно в зал.

А я снова посмотрела на небо, на то, как закат окрасил его на горизонте в ядовито-розовый с золотистым. Самый ужасный День Рождения в моей жизни. Самый яркий и праздничный, но без него это ведь не имеет никакого смысла. Однако Фаина права. Я должна вернуться к гостям. Потому что они в моем доме, пришли ко мне.

НАШ дом. Максим купил его после того, как увидел, что я рассматриваю в интернете загородные домики. Я тогда сказала, что это непередаваемо – жить в собственном доме. Без соседей, на природе. Как свой остров посреди хаоса повседневности. Он тогда спросил, какой из них мне понравился и чем, и я показала на небольшой уединенный особняк, утопающий в зелени. Я бы не назвала его роскошным, но мне нравились огромные окна, плоская крыша, увитые цветами стены.

А он взял и купил его. Вот так просто принес ключи и положил мне в ладонь.

«– У моей женщины должно быть все, что сделает её счастливой.

– У меня есть ты! Этого достаточно!

– Мне недостаточно. Я хочу, чтобы ты стала в нем хозяйкой. Почувствовала, что это такое – твой дом.

– Наш.

– Наш. Верно, наш. Я жду благодарности. Иди ко мне, малыш».

Сотовый в руках завибрировал смской и я посмотрела на дисплей – сердце тут же радостно заколотилось.

– *Что делает моя девочка? Веселится с гостями?*

– *Нет. Вышла. Устала от толпы.*

– *Ты не дома?*

– *Не дома.*

– А где ты?

Усмехнулась, представляя, как он сейчас думает – набрать ли Фиму, чтобы тот пробил геолокацию, или пока не стоит.

– Как я могу быть дома, если тебя тут нет? Без тебя это не дом, а просто здание. И да. Я в этом здании.

– Провоцируешь? Хочешь, чтоб я тебя наказал? Оттра-
хал прямо здесь и сейчас?

– Ты слишком далеко, чтобы наказать меня и... отра-
хать.

Улыбнулась и послала ему смайл с языком. Быть наглой на расстоянии не так-то и сложно. Впрочем, эта наглость мне всегда сходила с рук.

– Ты сейчас где? С гостями?

– Нет, вышла на балкон. Дышу свежим воздухом... О те-
бе думаю.

– Что на тебе надето? Помимо красного платья. В чем
ты под ним?

В горле моментально пересохло и задрожали пальцы. Уча-
стился пульс. Медленно выдохнула, предвкушая игру.

– Красные трусики с кружевами, красный лифчик и чулки
телесного цвета.

– Иди в библиотеку. Сейчас.

– Зачем?

– Иди. Я так хочу.

Смайл с рожками. Он всегда его присылает, когда хочет
показать, что настроен решительно или наигранно злится.

Смеюсь и все же послушно иду в библиотеку.

– *Закрой дверь на ключ и сними свои влажные красные трусики с кружевами. Они ведь уже влажные, малыши?*

Перехватило дыхание и сердце заколотилось в горле. Повернула ключ в двери и сняла трусики, придерживая сотовый между щекой и плечом. Бросила их на ковер, ожидая, что будет дальше. Точнее... предвкушая.

– *Очень влажные. Мокрые насквозь.*

– *Сними лифчик, но оставайся в платье. Иди к креслу. Я пишу – ты выполняешь. Отвечаешь только тогда, когда я скажу.*

Я послушно выполнила все, что он просил. Подошла к креслу, продолжая растерянно улыбаться. Даже не представляя себе, что он собирается со мной делать.

– *Обнажи грудь.*

Негнушшимися дрожащими пальцами я потянула за корсаж платья, прохлада тут же коснулась воспаленной кожи, соски мгновенно затвердели, моля о ласке и прикосновениях. Его прикосновениях.

– *Твои соски уже затвердели? Я уверен, что да. Прикоснись к ним кончиками пальцев. Не так. А нежно. Очень нежно, задевая ногтями.*

У меня над губой выступили капельки пота, а сердце колотилось с такой силой, что казалось я его слышу в этой тишине, наполненной моим прерывистым дыханием. От возбуждения начало лихорадить. Кажется, я начала понимать,

что он задумал, и от этого между ног стало горячо и очень мокро.

– *Сожми их. Сильно. Не жалея. Я бы их не жалел... ты же знаешь. Чувствуешь, как я сжимаю их... или кусаю? Чувствуешь меня?*

О да, я знаю. Я чувствую. О Боже! В ответ на эти мысли заныло внизу живота. Требовательно, сильно. Он доведет до сумасшествия, и я просто умру от неудовлетворенного желания. Меня начало колотить мелкой дрожью.

– *Поставь ногу на кресло, подними подол платья и облизни пальцы, маленькая. Я хочу, чтобы они были мокрыми, скользкими. Вот так. А теперь прикоснись к себе. Представь, что это мои пальцы, а не твои. Чувствуешь, какая ты там мокрая и горячая? Не отвечай. Просто кивни... Я же знаю, что именно ты чувствуешь.*

Я запрокинула голову и тихо застонала, трогая себя и изнывая от безумного желания, чтобы это и в самом деле были его руки или его язык. Боже! Пока я дождусь, когда он придет, я сойду с ума.

– *Не торопись. Медленно. Как это делаю я, когда хочу, чтобы ты плакала от нетерпения. А теперь проникни в себя двумя пальцами. Вот так. Глубже. Еще глубже.*

Я громко застонала, запрокидывая голову, кусая губы.

– *Сюда смотри, малыш. Оставайся со мной. Возьми их снова в рот. Соси их сильно. Чувствуешь, какая ты вкусная, когда течешь для меня? Ласкай себя снова.*

О Господи! Что же он делает со мной? Это невозможно... Вот так сходить с ума. Я покорно облизала блестящие от собственной влаги пальцы, представляя, что он погружает свои мне в рот, когда отдает мне мой собственный вкус. Я даже не думала, что могу настолько озвереть от похоти и желать исполнить все, что он скажет. Вот так. Когда он не рядом и в тот же момент настолько близко, что я реально чувствую его присутствие. Пальцы дотронулись до клитора, и тело свела мучительная боль наслаждения. Острая и пронзительная.

– *Смотри сюда,* – вибрация телефона заставляет опустить затуманенный взгляд на дисплей. – *Двигай пальцами быстрее, маленькая. Жестче. Сильнее. А теперь остановись. Дыши глубже. Я хочу слышать, как ты дышишь.*

Но я не могла остановиться, пальцы двигались сами по твердому, пульсирующему клитору, растирая все сильнее, заставляя стонать громче, не моргая глядя на сотовый, перечитывая все что он написал до этого. Чувствуя, как приближаются спазмы оргазма. Я уже готова взорваться... Одно его слово, и я разлечусь на осколки.

– *Не можешь остановиться? Нравится? Продолжай! Да! Вот так. Сильнее и быстрее. Трахай себя. Не жалей. Глубже. И снова ласкай.*

Ты близко, маленькая? Стонешь и закатываешь глаза? А сейчас остановись! ОСТАНОВИСЬ, ДАРИНА!

Я чуть не зарыдала вслух от разочарования. Все тело дрожит, как в лихорадке, оно болит в жажде разрядки, оно по-

что дошло до точки невозврата. И это физически больно... вот так... Терпеть. Ждать.

– Макс, пожалуйста-а-а-а-а! – дрожащими пальцами, не попадая по буквам.

В дверь постучали. А я не могла пошевелиться, меня трясло. Да и как я открою вот такая, полуголая, с обнаженной грудью, торчащими сосками и безумным взглядом? Нужно, как минимум, прийти в себя и привести одежду в порядок. Отдышаться. Снова завибрировал сотовый, и я задохнулась, когда увидела:

– ОТКРЫВАЙ! ДАЛЬШЕ Я САМ!

Бросилась к двери, повернула ключ дрожащими пальцами. Через секунду Макс уже задирает мое платье, жадно целуя в губы, приподнимая за ягодицы, рывком наполняя собой, срывая в тот самый оргазм, на лезвии которого я балансировала так мучительно и болезненно. От первого же грубого толчка полетела прямо в раскаленную бездну, с протяжным криком, выгибаясь, впиваясь в его волосы, судорожно сокращаясь вокруг его члена, чувствуя, как он сам дрожит от возбуждения, как срывается на стоны.

А потом мы несколько минут стояли не шевелясь, тяжело дыша и глядя друг другу в глаза, прислонившись лбами, все еще вздрагивающие после всплеска животного безумия. Мои пальцы в его волосах, а он все еще держит меня за голые бедра. Пока Макс не улыбнулся, проводя по моим губам

большим пальцем.

– Здравствуй, малыш. С Днем рождения!

Я обняла его, закрывая глаза от наслаждения чувствовать его запах. Сильно сжала, зарываясь лицом в шею. Туда, где так концентрировано пахнет им. Моим мужчиной. Приехал! Ко мне! Все бросил и приехал! Не выдержал! Сумасшедший! Просто сумасшедший!

– Я так соскучилась, – бормочу, пока целует мои волосы, скользит ладонями по спине, хаотично целую в ответ, – я так тосковала по тебе. Мне все не в радость.

– Я знаю, маленькая.

– Ничего ты не знаешь, – жалобно всхлипнула и сжала его еще сильнее.

– Да. Не знаю. Я чувствую.

Позже он поправлял на мне одежду, зашнуровывал сзади платье, расправлял складки и поправлял волосы, при этом жадно пожирая взглядом. Наклонился и подхватил комочек кружева с пола.

– Следы преступления надо всегда прятать.

Хитро усмехаясь и приподняв одну бровь, сунул мои трусики в карман.

– Заберу их с собой.

– Фетишист.

– О, да-а-а! Маньяк, психопат и жуткий извращенец.

Прижал к себе, обнимая сзади.

– М-м-м-м-м, как же ты пахнешь. Проклятые гости. Мы

не закончили. Это так – прелюдия. Слишком голодный был.

Щеки вспыхнули от обещания, и я снова шумно вдохнула его запах, уже в который раз.

– Мой Зверь.

– Твой. Закрой глаза. Я привез моей девочке подарок.

Послушно закрыла, улыбаясь и кусая губы. Почувствовала, как отбросил мои волосы с затылка, и кожи коснулась прохлада. Пальцы гладили изгиб у плеча. Заставляя слегка подрагивать. Никогда не привыкну к его прикосновениям. Никогда они не станут для меня чем-то самим собой разумеющимся.

– Не открывай.

Подтолкнул меня, видимо к зеркалу, целуя шею, за ухом, вызывая дрожь от щекотки.

– Вот теперь открой.

Я распахнула глаза, но сначала увидела его отражение. Жадно пожирая взглядом каждую черту, глядя в глаза, все еще продолжая кусать губы, а потом посмотрела на ожерелье. Очень хрупкое и тонкое, в виде сплетенных бутонов роз, а по краю лепестков, как роса или слёзы, блестят маленькие бриллианты, и в середине надпись на стебле одного из цветков: «Дыши мной». Снова перевела взгляд на его лицо, переставая улыбаться, заводя руку назад, обнимая и чувствуя, как дерет в горле от переизбытка эмоций.

– Я всегда дышу тобой... мыслями о тебе, твоим присутствием в моей жизни, твоим голосом, запахом. Всем, что

имеет отношение к тебе. Если тебя не будет рядом – я умру.

– Меня не будет рядом, только если меня закопали на три метра под землю, и то, если живым – выберусь и вернусь обратно.

Зарылся лицом в мои волосы.

– Это я сдохну, если тебя не будет рядом... Или убью тебя сам, если уйдешь или предашь меня.

Я улыбнулась, а он в этот момент сильно сжал меня под ребрами, настолько сильно, что у меня перехватило дыхание.

– Больше всего я боюсь, что смогу причинить тебе боль, малыш... – продолжает держать все так же сильно, целуя затылок, и я стараюсь не дышать, потому что больно и потому что чувствую, как он в этот момент напряжен, как говорит что-то, чего раньше никогда бы не сказал вслух. – Больше всего я боюсь, что ты можешь заставить меня причинить её тебе.

Я зарылась пальцами ему в волосы, все еще чувствуя, как он вдыхает сзади мой запах и скользит щекой по моим волосам, в каком-то хаотичном исступлении, погруженный в свои мысли, слова.

– Ты не можешь причинить мне боль... Только не мне. Я в это не верю.

Он ничего не ответил, разжал пальцы. Скользнул вверх к груди, обхватил ладонями.

– Пошли к гостям, малыш. Нас уже ждали. Я чертовски соскучился по брату и племяннице. Давно не видел его

лощенную физиономию и костюмчик от Армани.

Одной рукой все еще сжимая грудь, второй провел по горлу, ключицам и по ожерелью. Поцеловал меня в губы и тихо попросил:

– Не снимай... когда забудешь, как дышать, у тебя есть напоминание. А теперь пошли, не то я отправлю всех к чертовой матери и буду утолять свой адский голод до утра.

Я смотрела, как Максим рывком обнял Андрея, как тот похлопал его по спине, так же крепко сжимая в сильных объятиях.

А потом пристально посмотрел на прическу Макса и усмехнулся, иронично приподняв одну бровь:

– Ты забыл причесаться. По правилам этикета вначале принято здороваться с гостями...

– Ну куда мне до графского этикета.

– Учись, брат. Ты женат на графской сестре, должен соответствовать. Ну черт с тобой если она счастливо улыбается, можешь вообще со мной не здороваться, недостойный холоп.

– Счастье твоей сестры превыше всего. А за холопа...

– Челюсть не болит, не?

Макс демонстративно подвигал пальцами челюсть, сосредоточенно хмурясь.

– Ноет в плохую погоду, напоминая, что надо вернуть сдачу.

Они рассмеялись, а я непроизвольно трогала свое ожере-

лье и, поймав довольный взгляд Фаины, глубоко вздохнула, счастливо закатывая глаза. Она кивнула на Макса и снова мне подмигнула. Они знали, что он приедет. Вот негодяи, и никто мне не сказал. Я снова посмотрела на мужа, а он привлек меня к себе за талию. Так непринужденно, по-хозяйски, а у меня сердце заколотилось от мысли, что этот красивый, опасный хищник, на которого буквально все женщины в этом зале смотрят, пуская слюни, принадлежит мне и не скрывает этого ни на секунду.

– Ну как, приехал твой старый знакомый из Штатов? Борис Давыдов, кажется?

– Ага. Он самый. Приехал, возле баб ошивается. В цветнике, аки нарцисс недоделанный. О, как чувствует, что о нем говорят. Сюда идет. Хитрая шельма. Пока не сказал, что ему надо. Наши пробили, вроде ничего такого не нашли. Есть у него пара интересных занятий. Может быть полезным.

– Посмотрим, насколько, и чего это он вдруг решил навещать на Родину. Помнится, когда он приезжал в последний раз, я оставил ему на память маленькую горбинку на переносице. Чтоб много не разговаривал.

– Да ты вообще, как только мог, так и отличился в свое время. Как тебя до сих пор не подстрелили – ума не приложу.

– Ну и ты отжал пару пуль себе. Жмот, он и в Африке жмот.

– Так а что все тебе да тебе. Делиться надо, Макс. Побратски.

Я обожала их перепалки. Мне ужасно хотелось обнять обоих и сдавить до хруста. Если и есть на этом свете мужчина, которого я люблю так же сильно, как и Макса, то это мой брат. В этот момент муж наклонился к моему уху:

– Расслабилась? Я жду, когда они разъедутся нахрен. Твои трусики в моем кармане все еще мокрые... и это, бл**ь, с ума сводит.

Настолько просто сказал, невозмутимо. Низкий тембр обжег фантазию дикими картинками, и я вспыхнула. Бросила взгляд на Андрея, но тот уже пошел навстречу высокому мужчине в элегантном темно-сером костюме и черной рубашке. Светловолосый, подтянутый. Одет шикарно. Чуть старше Андрея.

– Черные Вороны в полном составе, – он протянул руку Максу и бросил взгляд на меня. Янтарные глаза слегка вспыхнули. – Давно не виделись, Зверь.

Смотрю, женился. Не ожидал, не ожидал. Хотя выбор изумителен.

Макс усмехнулся и сильнее прижал меня к себе, а взгляд Бориса липко скользнул по моему лицу, телу, по руке Макса на моей талии.

– Я всегда выбираю самое лучшее, Боря.

– Я в этом даже не сомневался. Разрешешь потанцевать с твоей женой? Ты не против?

– Против, Боря. Против. Давай пойдем, пообщаемся. Ду-

маю, ты не танцевать сюда приехал, верно?

Давыдов снова посмотрел на меня и усмехнулся уголком губ.

– А он ревнивец, даже не думал. Хотя, будь вы моей, я бы и сам ревновал, как черт.

– Тебе такие не светят, Давыдов! – сказал Андрей. – Пойдем, выпьем, пообщаемся. Обсудим пару тем.

Я проводила их взглядом и, взяв с подноса у официанта бокал вина, сделала несколько глотков. Давыдов мне не понравился. Есть такие люди, которые мгновенно вызывают неприязнь. Он мне напоминал шакала, который пробрался ко львам и пытается держать лицо при плохой игре, хотя сам и боится, но норовит укунить, чтобы не портить о себе впечатление.

Максим уехал утром, пока я спала. Он настолько вымотал меня, что я просто не услышала, как он ушел, а когда вскочила с постели машина уже отъехала от дома. В сотовом пиликнула смска:

«Когда проснешься, не забудь, кем надо дышать. Не тоскуй, я скоро вернусь»

И еще одна ровно через минуту:

«Я передумал – тоскуй».

Улыбнулась и нырнула снова в постель, довольно потягиваясь, как сытая кошка. Впервые после его отъезда я проспала почти весь день.

Глава 2. Андрей

За несколько дней до описанных в 1 главе событий

– Здравствуйте, Андрей. Давненько вы к нам не заезжали. Очень рады видеть...

Продавец цветочного магазина расплылась в улыбке и шагнула к корзине с белыми лилиями. Она знала, что я возьму именно их, знала даже точное количество. Я всегда покупал цветы только здесь на протяжении нескольких лет.

– Здравствуйте-здоровствуйте. Я тоже так решил, поэтому и заехал. Нельзя нарушать традиции.

Она опять улыбнулась в ответ, отбирая 15 веток и, перевязав их белой лентой, протянула мне.

– Вам ведь, как всегда? Еще одна традиция?

– Совершенно верно. Спасибо, Наташа. Цветы великолепны, как, впрочем, и всегда.

– Спасибо, Андрей. Иногда мне даже кажется, что они ждут именно вас. Хорошего дня вам...

– И вам всего доброго...

Я вышел из помещения и знал, что они сейчас будут шушукаться со своей помощницей.

“Есть же бабы шустрые. Где бы нам такой “экземпляр” отхватить? Мало того, что денег валом, да еще и на брат-

ка не похож, хотя видно, что «из этих».

Людям всегда кажется, что они видят нас насквозь. Они моментально придумывают нам биографию, наделяют качествами, которые им хотелось бы, чтоб у нас были, и свято верят, что все именно так.

Всего несколько вещей способны ввести их в заблуждение: наша одежда, манера разговаривать и тембр голоса. Нужное сочетание всегда дает необходимый эффект.

Вот и сейчас я чувствовал, как они смотрят мне вслед, с нотами зависти и злорадства думая о том, кому «так повезло» и почему на ее месте не одна из них.

Смотрел на букет, который лежал рядом на сиденье, источая резкий аромат, и словно услышал знакомый до боли голос. Как она, смущаясь, опускала ресницы, даже покрывалась легким румянцем и говорила «Спасибо, мой любимый». Никогда не могла к этому привыкнуть, каждый раз принимая их с какой-то особенной благодарностью, а я улыбался, как мальчишка, и мне хотелось купить ей миллион таких букетов. Чтобы слышать вот это «любимый» и чувствовать ее восторг.

Она любила именно лилии. Не розы, как это обычно бывает. Говорила, что эти цветы кажутся ей самыми красивыми. Чистыми, и вместе с тем их запах был настолько сильным, что голова шла кругом. Как и у меня тогда... в эти несколько месяцев вырванного у судьбы счастья.

Первое время после смерти Лены я не мог заставить се-

бя даже ступить на территорию кладбища. Не хотел видеть могилу, памятник с этими зловещими цифрами, выгравированными на мраморе... Так, словно прийти сюда – значит принять, что ее больше нет. Как будто смириться с тем, что я лично, собственными руками, убил ее. Убил, потому что виноват был... Перед ней и Кариной. За то, что убереечь не смог, что жив остался, что дышу, хожу по этой земле, а она – глубоко под ней.

Потом я приезжал сюда каждую неделю. Как маньяк, который приходит на место преступления, чтобы еще раз испытать эмоции, связанные с последними секундами жизни своей жертвы. Нескончаемое количество раз прокручивая в голове мгновения, когда она была жива. Каждое ее движение, слово, вздох, взгляд, как умирая, говорила, что любит, что благодарна... И чувствовать себя последней тварью... Потому что ей не за что было меня благодарить. Хотелось казнить самого себя здесь, смотря на улыбающееся лицо на фото – «запомни меня такой, любимый». И ненависть в глазах Карины, которой она сама, казалось, начинает задыхаться, была тогда мне необходимой. Давала возможность чувствовать хоть что-то. Да, мне была нужна ее ненависть, молчаливые упреки и отчаяние... чтоб не забывал. Никогда.

В последние полгода я бывал на ее могиле все реже. Не оправдывая себя делами и суетой. Просто никогда в этом не лукавил. Я привык к своей боли, она перестала терзать, потому что вросла в мою кожу так, будто я и не жил без нее

никогда. Мы с ней стали заодно. Она получила свое сполна, а теперь был ее черед отдавать. И она не осталась в долгу. Дала силы жить... Открыть глаза и увидеть главное – в моих руках теперь жизнь Карины. Как второй шанс – спастись, не закопав самого себя на дне своей пропасти.

Уже не так невыносимо больно ехать по этой дороге, которая ведет на кладбище. Уже не разрывают сердце на части острые крюки отчаяния. Уже не сдавливают горло цепкие пальцы тоски по ней. Все это постепенно отходило на второй план, уступая место размытым воспоминаниям. Моментам, которые были нам отмерены.

Я остановил машину и, взяв в руки цветы, направлялся в сторону массивных кованых ворот.

Тихо... как же здесь тихо. Не слышно даже пения птиц. Это раньше эта тишина была для меня зловещей, когда хотелось орать во все горло, чтобы разбить ее, словно тарелку о стену, ко всем чертям. А сейчас она воспринималась как умиротворение. Потому что только те, кто оказались здесь, знают, что такое покой. А все, кто остались, продолжают жить, поджариваются на костре своей скорби, мечутся от ненависти и сожаления, рвут на себе волосы от горя и учатся жить заново...

Шаг за шагом преодолевал расстояние до могилы и по мере приближения заметил два силуэта... Почувствовал, что в груди нет привычного стука – сердце замерло... Потому что они были до боли знакомыми. После нескольких секунд оце-

пенения меня захлестнула волна злости... Какого черта они здесь делают? Кто разрешил? Кто пустил? Он не имеет права здесь находиться... Само его присутствие здесь, возле нее, смотрелось как осквернение. Руки сами сжались в кулаки, а скулы напряглись от того, насколько сильно я сцепил зубы, чтобы заставить себя идти молча. Зачем приехал? Убедиться, что добился своего? Что Ворон, бл***, всегда получает то, что хочет? Что все равно все будет так, как решил он? Как же я его сейчас ненавижу. Вышвырну к дьяволу отсюда. Плевать, что болен, что отец мне. Ему здесь не место! Избавить ее от него, даже после смерти – хоть это сейчас в моих силах!

Я ускорил шаг... вижу, как подходит к отцу Афган и помогает привстать с инвалидной коляски... Кто узнал бы в этом немощном старике того самого Ворона, который вселял когда-то ужас, отнимал жизни или решал, кому их подарить? Время никого не жалует. Кажется, я даже вижу, как дрожит его рука, как тяжело ему стоять на ногах, каким жалким он себя сейчас чувствует. Потому и заперся дома, на люди не выходит, чтобы не видел никто, во что превратился. Чтобы не разбить ту иллюзию могущества, которую он всегда излучал.

В следующий момент я просто оторопел. Все внутри клочкотало от ярости, я хотел подойти к нему и трясти, схватив за горло, чтобы никогда больше не смел сюда приезжать, но ноги меня не слушались. Как будто парализованный стоял, с

места не мог сдвинуться. Потому что он прислонился к холодному мрамору лбом и, черт меня раздери, но я видел, как задрожали его плечи от непрошенных слез.

Мне казалось, что я в каком-то долбаном сне ... Что я, бл***, хочу проснуться, потому что этого не может быть! Не может! Не так! Не сейчас! И почему сейчас? Что происходит?

Афган отвернулся, опуская голову.. Понимал, что не должен здесь находиться, что это тот момент, когда человек наизнанку выворачивает себя, душу свою обнажая... но отец не мог уже без поддержки. Физически не мог. Слишком слабый. Подкосило его... болезнь прогрессирует.

А я стоял, как вкопанный, и мне казалось, что меня по горлу кинжалом полоснули. Больно... чертовски... Больно от того, что крик изнутри разрывает, рвется наружу и превращается в камень... Когда воздух ртом хватаешь, а его нет... нет воздуха. Одна ярость ядовитая. Легкие разъедает, превращая их в месиво. Нечем дышать...

Отец вцепился в край креста, еле удерживаясь на ногах. Афган подбежал к нему и схватил за руки, ломая сопротивление – тот освободиться хотел, дальше стоять, но пришлось усесться в коляску, отталкивая от себя помощника. Не может смириться. Внутри все тот же, а тело не слушает уже...

Вдруг ощутил на своем плече прикосновение и резко дернулся, схватив незнакомца за локоть, второй рукой вытаски-

вая оружие. Движения до автоматизма отточены. Но когда увидел, что это сторож, отпустил:

– Никогда не подкрадывайтесь к человеку со спины.... В следующий раз может не повезти... – процедил сквозь зубы, пряча пистолет обратно.

– Прости, сынок... Прости... – со вздохом ответил сторож. – Давно наблюдаю за вами, и тяжело мне...

Я посмотрел на него с недоумением, выравнивая дыхание, даже слов толком не расслышал, но они словно вывели из оцепенения.

– За кем, за вами?

– За тобой да отцом твоим... Я столько горя человеческого повидал, что думал, не проймешь меня ничем, а тут...

– За отцом? Он что, здесь часто бывал? – по телу растекался яд презрения... Кто дал ему право приходить сюда? Еще и вот так – втихую, исподтишка. Как преступник, как вор, который прокрадывается в чужое жилище, чтобы отобрать у его хозяев самое ценное. И сейчас он делал то же самое – позарился на единственно святое, что осталось. Чтобы вцепиться в него своими костлявыми пальцами и оставить там грязные отпечатки.

– Бывал... бывал. Ты же знаешь, мое дело маленькое – за порядком следить, да не лезть, куда не просят. Но растрогал меня старик этот... Не знаю, может себя в нем увидел. Один я остался... вот только и могу, что так же на могилки

ХОДИТЬ...

Я понемногу начинал понимать, о чем он. Нет, все мое нутро протестовало против этой мысли. Я не хотел верить! Так проще – не верить. Потому что поверить в то, что он раскаялся – слишком больно. Я вцепился в свою ненависть к нему с такой силой, словно это единственное, что помогало мне жить. И сейчас он хочет отнять у меня даже ее? Черта с два! Ничего это не значит... Поздно грехи замаливать... Поздно! Раньше надо было думать! Я проговаривал внутри себя эти фразы, а предательское чувство облегчения все больше обволакивало, дурманило... заставляло корчиться от боли, потому что я, бл****, ждал этого. Все эти чертовы годы я ждал. Что он пожалеет. Что признает вину. Так, словно это последняя дань памяти Лены. И сейчас, наконец дождавшись, я не хотел отпускать свою ненависть. Наказать хотел. Еще больше. Хотя видел, что уже сам себя наказал он, но мне было мало. Мало...

Из мыслей, в которых я сейчас варился, как в котле с кипящей смолой, опять выдернул хрипловатый голос старика.

– Сынок... вы ведь похожи.. Ты и сам не подозреваешь, как сильно. Не веришь ему – поверь себе... Потом может быть поздно... не вернешь... а сожаление сожрет... как его сейчас... В тень превратился.

Я не отвечал ему, только смотрел, не моргая. Не понимая, что чувствую. Словно в прострации какой-то. Ненави-

деть отца хотел и пожалеть одновременно. Упиваться злобой и тяжесть с души сбросить. Выплюнуть в лицо упреки все, что скопились, и прижать к себе, сжимая в объятиях, которых мы никогда не знали.

Я молча приблизился к могиле, отец вострепнулся, увидев меня. Мы молчали... Смотрели друг на друга и молчали. Долго... Казалось, вокруг нас вакуум какой-то образовался. Когда ни вздохнуть, ни пошевелиться не можешь. Как будто любое движение к апокалипсису приведет. К взрыву такой силы, что разнесет мир ко всем чертям. Только взгляды... В них воронка адская из эмоций, которые сжигают заживо, выплевывая из прожорливой пасти ошметки плоти. А дальше – штиль... тихий такой, что мертвым кажется. Когда смотришь на того, кто рядом, и кроме него не видишь больше никого. Впервые в жизни. Словно в душу заглянул, в которой только гниль ожидал увидеть, а оказалось – на ее дне одно сожаление осталось.

Не нужны были сейчас слова. Ни одно правильным не будет. И я, набрав в легкие воздуха, который казался мне сейчас чистым до головокружения, приближался к отцу. Вынул из пакета бутылку водки, поставил ее на деревянную скамейку и достал из коробки две хрустальные рюмки.

Савелий

– Ну все, Афган, теперь и помирать можно... – закрыв глаза и откинув голову назад, сказал своему помощнику Са-

великий Воронов.

– Да ты еще всех нас переживаешь, Ворон. Живучий, прям зависть берет, – отшутился мужчина.

– Да куда уж... уже на том свете прогулы мне ставят... Пора, Афган, пора... Все, что должен был, сделал уже... Теперь уже точно все...

Он смотрел, как отъезжает от ворот кладбища автомобиль, в котором сидел его сын, и в мыслях благодарил, тяжело вздыхая. Его вздох был легким и тяжелым одновременно. Облегчение от того, что приняли его раскаяние, только ничего не вернешь уже. И от этого паршиво на душе было. Что закончилось все так. Он же как лучше хотел... Другую жизнь сыну. Чтоб не возвращался в болото это, чтоб человеком стал, чтоб не связывало его ничего... Да херня все это! Ударил себя руками по коленям, потому что повторял слова эти, как мантру, словно они помогут закрыть пасть тому чувству вины, которое, словно раковая опухоль, сжирало его с каждым днем все больше. Не для сына! Не для него он все делал! Для себя в первую очередь... и не надо сейчас благими намерениями себя оправдывать. Решил он так! Хотел! Его решения не обсуждаются. Как смертный приговор – умри, но сделай. А тут девка эта, провинциалка чертова, карты ему спутала, сыну голову задурила. Да что они понимают... что знают в этой жизни? Ничего! У него еще таких, как она миллион будет. И не вспомнит через месяц. Какая разница, кто по ночам греть будет. Вот что думал. Уверен

был, что все как по маслу пойдет. А ее прикормить можно, денег побольше – все они продажные, главное – не продешевить. И проглотили наживки.. Оба...

Только чертово время нихрена не решило. Увиделись – и все... Опять все по новой. Сына родного не узнал. Словно подменили его. Холодный, как лед. Не прошибешь. Плевать хотел на слова отца. Вот что беспокоило Савелия Воронова... Он не привык никому ни в чем уступать. Никогда. Любой ценой добивался желаемого. Сам не заметил, как через грань переступил. Как адский калейдоскоп событий окрасился в кровавый цвет. Как мир их кровью залился... Убивали раньше пачками – и не было дела... а тут одна смерть всех их изменила. Все пути отрезала. Никогда, как раньше не будет. Такое нельзя простить. Только слишком поздно понял. Отнекивался от мысли этой, хорохорился, повторяя, что так и знал... Что ему виднее всегда было.. Что поплатились чертовы упрямцы за непослушание...

А потом проснулся как-то среди ночи в холодном поту и испугался впервые. Что сердце не выдержит сейчас, выпрыгнет к дьяволу из груди, билось как ненормальное. Саве казалось, что он не проснулся, что до сих пор видит перед глазами эту жуткую картинку... Как сын его Андрей в церковь заходит с женщиной в свадебном платье, вуаль плотная ее лицо прикрывает, но жених ее не приподнимает, как будто не хочет, чтобы увидел хоть кто-то жену его будущую... А Савелий подходит к ним, руки к ней тянет, чтобы посмот-

реть, кто там... только Андрей отталкивает его, за рубашку схватил и трясет как куклу тряпичную, приговаривая... “В этот раз ты мне не помешаешь”... Вуаль поднимает, смотрит на девушку счастливым взглядом и не видит, что кожа ее си-невой отдаёт. Что глазницы ее пустые... Что тело покрыто пятнами и несет от него трупной вонюю... Повернула голову к Саве и засмеялась так раскатисто, громко, надрывно, что мороз по коже пробежал...

Он вскочил с кровати и подбежал к окну, чтобы впустить в комнату свежий воздух. Ему даже казалось, что Лена за спиной его стоит, а ее смех жуткий до сих пор в ушах эхом звучит... Страшно стало. Не за себя... За сына. По-настоящему. Словно она отнять его может, за собой утащить... Никогда смерти не боялся... а тут испугался. Каким-то мистическим страхом...

Ночью все вещи приобретают свой особый смысл. Все кажется зловещим и необратимым. Ночь – время истины. Тогда и разговоры более откровенны, и чувства обостряются до предела, достигая своего пика...

А потом приходит утро и все становится по-другому. На смену страху пришло чувство вины. Паршивое такое. Которое заставляет посмотреть на себя, чтобы увидеть собственную уродливую изнанку. Без прикрас. Признать, что жизнь сыну сломал, чтобы доказать что-то.

На похороны даже не пришел, потому что боялся – увидят все, что прогнулся Ворон. Вся жизнь так и прошла: глав-

ное, чтобы другие боялись. Уважали. Потом липким покрывались, услышав его имя. И что в итоге? Сидит в своей возведенной крепости, чувствуя, как подкашивает болезнь, и время от времени пререкается с помощником своим да Фаей, которая вечно стремится его подлечить.

И детей вроде наклепал, а поговорить не с кем. И правильно... кому такой отец нужен? Наверное впервые открыто себе в этом признался. Не выдержал – коньяка плеснул, выпил залпом, и так несколько раз. Не отпускает. В душе – тоска, и сон этот жуткий покоя не дает. Виноват ты, Сава, виноват, бл***. Подонок ты, через сына переступил. Все с самого первого дня вспомнил. Как Лену увидел, как смотрел на нее, словно она пустое место. Как злился... как исчезнуть заставил и сына в Америку отправил. Как запугал, смертью ребенка угрожая и расправой... Все вспомнил, и самому от себя противно стало. И опять этот смех ее и Андрей, который не видит, что мертвая она, и смотрит, улыбаясь...

Тогда и решил, что не хочет с собой в могилу все это забрать. Что обязан почтить память, что сыну его еще жить и он должен успеть. Успеть избавить его от этой ноши... от ненависти этой, которая рано или поздно его по куску обглодает...

Это единственное, что он может еще сделать. Тогда и поехал впервые на кладбище. Лилии засохшие увидел – их никогда не убирали, пока свежий букет Андрей не привозил... и лишним себя почувствовал. Сторожу строго-настрого за-

претил рассказывать сыну, что он приезжает. Не хотел сцен этих дурацких, словно напоказ он это делает. Просто чувствовал, что тянет его сюда. Как будто долг должен отдать. Что умереть даже не сможет, пока камень этот не сбросит. Пока сам перед собой не почувствует, что раскаялся по-настоящему. Он часто сюда приезжал, сидел часами, погруженный в свои мысли. Вначале вспоминал все, даже десяти минут не выдерживая, боролся сам с собой, матерясь и обзывая себя долбаным слабаком, который скатился в старческий маразм. Потом смог усидеть дольше, пытаюсь осмыслить все, что происходило с сыном. Хреново становилось, пуговицы рубашки поспешно расстегивал, казалось, что задыхается, но заставлял себя сидеть и разбирать свою жизнь на атомы. Пока не понял, что задолжал детям своим. Сильно задолжал. Что то, что слабостью своей считает, на самом деле – источник его силы. Радовался, что Андрей и Максим вцепились друг в друга, что соединила их необъяснимая в своей одержимости связь – так, словно нет больше никого у них в этом мире. А разве есть? Разве хоть кто-то из них приезжал к отцу просто так, не тогда, когда очередной приступ болезни к кровати приковывает? Потому что заслужил. Он бы тоже к такому отцу не спешил.

Не хотелось подышать, как собака безродная, понял он сейчас, что хочет, чтоб и на его могилу цветы свежие приносили... Потому и решил, что должен успеть всем долги вернуть. Пока не сделает – не умрет.

Глава 3. Карина

Я сидела в этом чертовом кабинете и ждала. Чего – сама не знаю. Мне никто ничего не говорил, просто усадили на стул и дверь на замок закрыли. Чувствовала себя каким-то зверьком, которого загнали в клетку. Другие, сволочи, убежали, когда полиция подъезжала. Тоже мне, друзья называются. А я, как дура, сидела в ванной и барабанила кулаками по двери – как в идиотской комедии, в самый неподходящий момент заклинило дверь. А они, спасая свои задницы, сбежали, едва услышав вой сирены, и оставили меня в квартире.

Господи! До чего же сейчас унылые люди пошли. Ну подумаешь, врубили музыку на всю громкость, кто-то там пивком побаловался, травку покурил на кухне – кипишевать-то зачем? Бабушка-маразматичка этажом ниже ментам позвонила, орала как потерпевшая, что мы тут притон устроили, что жить ей мешаем, что всех за решетку сажать пора.

Уф-ф-ф-ф... ненавижу просто сидеть и ждать. Интересно, папочке уже позвонили или пока еще думают? Да что тут думать, позвонили, конечно. Сейчас примчится, если дел поважнее не будет, и устроит мне головомойку. Черт... как же меня все это достало. Каждый жизни учит. Некому только их поучить. Дождаться бы окончания школы – больше они меня не увидят. Ну максимум – раз в год, на Рождество, и то,

может, и открыткой обойдусь. Я так мечтала обратиться отсюда, не знаю куда, да и не важно. Папа денег даст – в любой универ устроит, хоть в Лондоне, хоть в Париже.

Наконец-то дверь отворилась и я, вздернув подбородок и прищулив глаза, подготовилась к нападению. Как там говорят, это лучший метод защиты? Вот и проверим... Только тут я в своих предположениях немного промахнулась. Так как увидела не отца, а какую-то женщину. Красивая, эффектная, и не дура – на лбу, конечно, не написано, но чувствуется. Не ментовка типичная, не истеричка, взгляд пронизательный, наблюдает за мной, и вот что меня напрягло – моя фамилия не произвела на нее нужного впечатления.

Я же привыкла уже, что Воронов любая собака в этом городе знает, что в курсе, какие детки являются «неприкосновенными» и с какими лучше не связываться, а тут... Странно это, и мне не понравилось.

– Здравствуй, Карина. Ну как тебе тут – не скучно?

Я, скрещивая руки на груди и всем своим видом показывая, что не собираюсь неизвестно с кем вести беседы, ответила:

– Начнем с того, что вы мне скажете, с кем, как говорится, честь имею. А то я не знаю, с кем разговариваю и какого хрена должна что-то рассказывать...

Женщина слегка усмехнулась, не занервничала, не смутилась, как я планировала, а смерила меня таким взглядом, что это я почувствовала себя неловко. Так смотрят на капризных

детей, которые думают, что их визг кто-то и правда может воспринять всерьез. Это выбивало из колеи, но с другой стороны – пусть лучше оставит меня в покое. Тоже мне – полиция нравов. Она села за стол и, раскрывая какую-то папку с файлами, сдвинула на край носа очки в тонкой оправе и начала свой «отчет».

– Итак, Карина Андреевна Воронова. Мне, в принципе, безразлично, чего ты хочешь и с кем собираешься или не собираешься общаться. В квартире, где вы «скромно отдыхали», обнаружены наркотики и оружие...

– Ой, как страшно. Боюсь-боюсь... А вообще, я имею право на телефонный звонок.

– Папе звонить собралась?

О, попалась. Конечно же она знает, кто я такая, чья дочь и какие ей светят проблемы. И, довольно хмыкнув и иронично ухмыляясь, ответила:

– А что – теперь страшно вам? Не знаю, как вас там по имени...

– Анастасия Сергеевна.

Ну вот – как про папочку услышала, так хвост поджала. Эх-х-х, что за разочарование, я-то думала, она дольше продержится.

– Так что, Анастасия Алексеевна, ой, простите, Сергеевна. Память девичья просто, – издала легкий смешок, – папе звонить будем? Обещаю, я скажу, что меня никто тут не обижал.

– Андрею я позвонила сама, и думаю, он будет даже доволен, если тебя тут немного повоспитывают...

– Да ты что себе позволяешь? – я так разозлилась, что мне хотелось вцепиться в её волосы. Выскочка... Андрею она позвонила. И вдруг от догадки, что их может что-то связывать, стало так больно, что я взбесилась еще больше. – Ты...

– Сядь и успокойся! – она оборвала меня на полуслове, и от такой наглости я просто потеряла дар речи. – Что за истерики? Конечно, твой папа за тобой приедет. Разве могло быть иначе? Только это не значит, что надо вести себя, как хамка.

Я вскочила и уперлась ладонями о стол, наклоняясь к её лицу.

– А ты с ним близко знакома, я так поняла.

Она оставалась такой же спокойной и невозмутимой, голос звучал ровно, даже тембр не изменился. Ни на секунду не отводя взгляда с моего лица, ответила:

– А если и знакома – то что это меняет?

Я поняла все, этот вопрос был красноречивее любого ответа. Конечно, они знали друг друга, при том близко, именно поэтому она разговаривала со мной вот так. Я поникла, замкнулась, выстраивая вокруг себя привычные стены безразличия. Отступила от её стола и, опять присев на стул, смотрела в одну точку.

– Да мне все равно. С кем он там знаком...

– Сомневаюсь, что все равно, но тем не менее...

– А какая разница, все равно мне или нет? Ему-то до меня дела и так нет... Бабы интереснее, зачем дочь-то – обуза лишняя...

Впилась ногтями в кожу ладони, чтоб эта сучка не видела, как мне больно, как слезы эти дурацкие на глаза наворачиваются. Ненавижу... его и ее ненавижу. За то, что сижу сейчас тут и должна слушать ее нотации и терпеть заносчивый вид. Думает, прыгнула в кровать к этому... и все можно? Хрен вам...

Женщина молчала. Ждала. И в этой тишине мы провели несколько минут. Она наблюдала за мной, я хоть и не смотрела в ее сторону, чувствовала на себе ее взгляд. Черт! Сколько это будет продолжаться. Пусть уведут меня отсюда. Хоть в камеру, хоть куда... Это невыносимо, сидеть вот так... как под микроскопом каким-то и давиться собственными эмоциями, чтобы они не выплеснулись наружу. Наконец, не выдержав, она нарушила молчание:

– Знаешь, чем ты занимаешься, Карина? Тебе никто этого не говорил. Я уверена. А вот я скажу... – пауза. – Ты себя просто жалеешь...

Вот здесь уже не выдержала я! Да кто она вообще такая! Как смеет мне говорить все это. Я вообще ее первый раз вижу, чего она мне в душу лезет! Пошла к черту вместе со своим “Андреем”. Повернула к ней голову и прошипела:

– Да что ты обо мне знаешь?

Мне казалось, ее голос немного изменился. Смягчился, что ли. Понимала наверное, что я на взводе.

– Я все о тебе знаю. Все! Даже больше, чем ты сама. И знаю, что ты чувствуешь. Только затянула ты со страданиями, девочка...

Я почувствовала, как защипало в носу – черт, сейчас разревусь. Только не это! Не перед этой, которая разумничалась тут. На меня никто так не смотрел до этого. Никто. Она меня не жалела. Не было там сочувствия. И я не знаю, разозлило это меня или восхитило. Потому что мне и правда надоела их жалость. Как будто я инвалид какой-то. Слезы все же побежали по щекам, и я поспешно начала размазывать их руками.

Она поднялась со своего стула и, пока обходила стол, обратилась ко мне снова:

– Я не хочу делать тебе больно, Карина... Это не жестокость, это та правда, на которую тебе пора открыть глаза.

Я затихла, успокаиваясь. Раздражение уступило место... заинтересованности. Я не знаю, почему, но я наконец-то почувствовала, что со мной говорят... Именно как с равной.

– Я хочу тебе кое-что показать. Подойди сюда, пожалуйста.

Я поднялась и, преодолевая сомнения, подошла к столу, становясь рядом.

Она вытащила из шкафа несколько папок, наполненных различными материалами. Открыла первую из них. Из фото

на меня смотрела девочка лет четырнадцати. Светло-русые волосы, серые глаза, типичный подросток, как любая моя одноклассница.

– Алена Леонтьева, школьница. Мать – алкоголичка, личность отца неизвестна. Впервые была изнасилована отчимом в тринадцать лет в присутствии матери. Она не просто не заступилась за дочь, она позволяла ему регулярно делать это, пока та не забеременела и не скончалась в больнице от потери крови. Когда мать узнала, что ее дочь ждет ребенка, избивала ее, чем спровоцировала выкидыш. Врачи уже не могли ничего поделать, кроме как констатировать смерть.

Я чувствовала, как мое тело покрывается холодом, от затылка и до кончиков пальцев пробежал противный озноб. Но я стояла, не двигаясь, тело словно парализовало, и я не могла пошевелиться. Всмотривалась в фото, слышала сухие факты, за которыми – чья-то искалеченная жизнь. Как и моя, просто мне, наверное, повезло больше.

Настя не останавливалась, не дала мне времени на реакцию и спешно открыла вторую папку:

– Ольга Прокофьева, пятнадцать лет. Групповое изнасилование. Ни один из виновных не понес наказания. Парни живут с ней в одном доме и спокойно гуляют на свободе. Дело закрыли из-за недостатка улик. Ольга осталась инвалидом, уже два года не выходит из дома, чтобы не столкнуться во дворе с их насмешливыми взглядами.

Мне казалось, что сейчас меня вырвет. Да, насмешливы-

ми бывают не только взгляды, но и слова, тон голоса, противный смех, от которого у тебя в венах стынет кровь от ужаса, потому что не знаешь, что они хотят с тобой сделать. Точнее, понимаешь, но отказываешься верить, до последнего надеешься, что кто-то сможет помочь.

Настя открыла третью папку и таким же ровным и спокойным голосом продолжала читать строку за строкой:

– Ирина Пантелеева, тринадцать лет. Изнасилована двумя одноклассниками, которые позвали ее на вечеринку и, подсыпав в алкоголь клофелин, совершили действия насильственного характера в присутствии других школьников. Повесилась в спальне родителей спустя несколько недель. Фото с той вечеринки распечатали и развесили на стенах школьных коридоров. Открыто дело по доведению человека до суицида.

Она отодвинула папки в стороны и сказала:

– Ты теперь видишь? Ты видишь это, – швыряя папки на стол. – Таких, как ты, тысячи, десятки тысяч. Да, это неправильно. Да, это больно. Только знаешь, в чем разница? У них нет того, что есть у тебя... Нет тех, кому они нужны... Вот и думай теперь, сколько еще времени ты готова потратить на жалость к самой себе.

Внутри я словно сжалась в комок, хотелось принять позу эмбриона, забраться под одеяло, удрать на необитаемый остров – только бы остаться сейчас одной. Мне казалось, что у меня получилось отгородить себя от других надежной сте-

ной, и вот сейчас она покрылась глубокими трещинами. Я слушала эту женщину и понимала, что она права. Что есть в ее словах доля истины. Я и сама хотела справиться со всем этим, но у меня не получалось. Я не знала, почему. Ни таблетки, ни психологи, которые пытались копаться в моей голове – ничего не помогало. И тогда я злилась, чувствуя себя ненормальной, слабой, незащищенной. Вымещая свою злость на тех, кто рядом. Только в школе можно было схлопотать репутацию истерички, поэтому пришлось научиться держать себя в руках и делать это постоянно. А дома... дома я была в полной “безнаказанности”.

Я упивалась своей властью, когда нащупала самый верный рычаг, с помощью которого можно было влиять на отца. Это чувство вины.

Я видела его страдания и чувствовала себя садистом, который получает от них удовольствие. Уколоть побольнее. Не ответить на приветствие. Забыть поздравить с днем рождения. Сделать открытку на День Матери, подписав ее словами “Если бы ты была жива, мама, я бы поздравила тебя лично”, и бросить на стол в его кабинете...

Это больно. Конечно, больно. А мне было хорошо, но только на мгновение. Потому что потом, закрываясь в своей комнате, я чувствовала себя отвратительно. Вместо желаемого облегчения от мести – горькое послевкусие собственной неполноценности. Отталкивала его все больше, а самой становилось все страшнее. Что углубляюсь в свои страхи, что

хочу кричать о помощи, а некому.

Настя заметила перепад моего настроения. Мне казалось, она даже хотела меня обнять, но опасалась, что слишком спешит, что я могу сторониться чужих прикосновений.

– Карина, тебе просто нужно помочь. Но ты должна позволить. Открыться. Принять любовь. Поверь мне, это то, что тебе поможет. Ты абсолютно нормальный человек и сможешь научиться опять радоваться жизни.

– Как? Как мне это сделать? – я разрыдалась, в этот раз не сдерживаясь. Потому что это было глупо – корчить из себя героя перед тем, кто видит тебя насквозь.

Сейчас приедет твой отец... У него, когда он услышал, что у тебя неприятности, даже голос изменился. Дрогнул... У такого сильного и грозного. Поверь мне, я знаю что говорю. Я знаю, как помочь. Вам обоим.

– А ты, случаем, не в мачехи мне нацелилась? – хотелось переключиться. Мне стало стыдно за это проявление слабости, и ничего более остроумного придумать не удалось.

– Замуж за Андрея? Не волнуйся, солнышко, я уже в этой кабале побывала. Больше ни за какие деньги... Так что можешь спать спокойно. Я на свободу твоего отца не претендую.

Андрей

Когда раздался телефонный звонок и Афган сказал, что есть уже первые результаты по делу Карины, я, не медля ни

минуты, сразу же направился к чудо-хакеру, которого мне посоветовал генерал-чекист. Не обманул, паренек и правда асс в своем деле. Я назначил ему встречу в одном из наших ресторанов и, отдав управляющему распоряжение закрыть заведение на несколько часов, направился туда. Не хотелось, чтобы нам мешали. Подъехав к ресторану, увидел, что он уже на месте. Стоит возле входа, переступая с ноги на ногу, видимо, чувствовал себя не совсем комфортно. Я подошел к нему и протянул руку:

– Андрей. Долго пришлось ждать?

Он ответил на рукопожатие, уверенно глядя в глаза:

– Глеб. Очень приятно. Нет, я и сам недавно подъехал.

– Отлично. Тогда давай пройдем внутрь – там нас никто не побеспокоит.

Мы сели за столик, и я, сказав официанту принести нам выпивку, обратился к пареньку.

– Ну давай, показывай, что удалось восстановить...

Он вытащил из спортивной сумки флешку и ноутбук, и пока возился со всем этим, я внимательно его рассмотрел. На вид – года двадцать три. Волосы коротко острижены, темно-русые, глаза серые, внешность ничем не примечательна, но располагающая. Не внушает подозрения, я бы даже сказал, умеет казаться незаметным. Вряд ли это случайно, специфика его работы учит особой осторожности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.